

М. В. ЛОСКУТОВА

ЛЮБИТЕЛИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ: ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. *

В статье рассматривается история возникновения естественно-научных обществ в европейской части Российской империи за пределами университетских центров во второй половине XIX – начале XX вв. Особое внимание уделяется нескольким наиболее крупным обществам Верхнего Поволжья и прилегающих губерний. Уточняются время массового возникновения таких обществ и факторы, способствовавшие их возникновению, а также анализируются связи провинциальных исследователей с общеимперским научным сообществом, в том числе – участие местных исследователей и любителей естествознания в съездах русских естествоиспытателей. Прослеживается связь между возникновением научных обществ в российской провинции с появлением здесь к началу XX в. нового социального слоя – специалистов в области прикладных сельскохозяйственных наук, получивших профессиональное образование и состоявших как на земской, так и на государственной службе. Доказывается, что именно эти люди послужили одной из основных движущих сил в учреждении научных обществ, стремясь одновременно и к организационному оформлению своего профессионального сообщества на местном уровне, и к популяризации естественно-научного знания. В их взаимодействии с местным образованным обществом, с коллегами по службе и с ведущими научными центрами страны постепенно определялось содержание понятий профессиональной и любительской науки.

Ключевые слова: научные общества, съезды русских естествоиспытателей, профессионализация науки, популяризация науки, профессиональная и любительская наука.

В 1864 г. в Ярославле было учреждено Общество для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении (ОИЯГЕО) – первое в России естественно-научное общество, возникшее за пределами университетских центров империи. К его истории уже обращались некоторые исследователи, видевшие в этом объединении ярославских натуралистов характерный пример русского провинциального общества. Год его учреждения давал им основание утверждать, что историю провинциальных научных центров следует отсчитывать с эпохи Великих реформ¹. К 1860-м гг. как к эпохе ста-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00093а.

¹ См. например: *Andrews, J. T. Local Science and Public Enlightenment: Iaroslavl Naturalists and the Soviet State, 1917–1931 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953. Pittsburgh, 2001; Andrews, J. T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station, TX, 2003.* Об истории

новления естественно-научных обществ в провинции часто отсылают и специалисты, занимающиеся изучением других регионов Российской империи². Такая датировка, с нашей точки зрения, продиктована не столько анализом действительных событий, происходивших за пределами нескольких университетских городов империи, сколько достаточно хорошо изученными и описанными тенденциями развития науки в стране *в целом*. Действительно, значение эпохи Великих реформ и ученых поколения 1860-х гг. в становлении российской науки, национальной научной культуры не подлежит сомнению³. Однако не следует забывать, что связывая наиболее значимый этап в становлении российского научного сообщества с этим десятилетием, историки говорят в первую очередь о формировании «центра» этого сообщества – о процессах, происходивших в университетской науке, которая в этот же период выдвигается в России на лидирующие позиции⁴. Динамика складывания научного сообщества на «периферии», очевидно, могла быть иной, что мы и попытаемся показать в настоящей статье.

Заметим, что история провинциальных научных обществ в нашей стране привлекает к себе в первую очередь специалистов, занимающихся социальной историей. Для них провинциальные общества интересны прежде всего как частный случай проявления независимой от государства общественной инициативы⁵. Историки же науки, как правило, не выделяют исследовательские центры в регионах в особую группу и потому сосредотачиваются преимущественно на деятельности ведущих научных обществ, располагавшихся в столицах и нескольких других университетских городах империи⁶.

Однако осознание современной историографией коллективного характера научной деятельности, повышенный интерес к процессам переноса научного знания, признания достоверности научных результатов заставляют историков науки во всем мире внимательнее относиться к событиям, не связанным непо-

ОИЯГЕО см. также: «Вглядись в минувшее бесстрашно...»: культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг. Документы и материалы / Ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1995.

² См., например: *Савчук В. С.* Естественно-научные общества юга Российской империи: вторая половина XIX – начало XX в. Днепропетровск, 1994.

³ *Бастракова М. С.* Научное сообщество России во второй половине XIX в. (становление, особенности, облик) // Архив истории науки и техники. М., 2007. Вып. 3. С. 32–64. См. особенно С. 36, 41–44; а также *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

⁴ *Бастракова.* Научное сообщество... С. 36.

⁵ См. например: *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Bradley, J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society and Autocracy in Tsarist Russia // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 4. P. 1094–1123.

⁶ Так, например, поступает В. С. Савчук в своей монографии, посвященной естественно-научным обществам юга Российской империи: в его работе научные общества Одессы рассматриваются в одном ряду с обществами, возникшими значительно позднее в Херсоне, Екатеринославе, Кишиневе и в Крыму. Большое число работ посвящено обществам естествоиспытателей при университетах Российской империи. Сошлемся здесь лишь на: Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России: к 125-летию начала деятельности. Л., 1990. Из достаточно немногочисленных работ по естественно-научным провинциальным обществам Российской империи – Советской России 1920-х гг. следует назвать: *Булюбаши Б. В., Пономарев С. М.* Нижегородский кружок любителей физики и астрономии в историко-научном измерении // ВИЕТ. 2009. № 1. С. 17–35; *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996 (Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. 1).

средственно с именами великих ученых и крупными научными открытиями. История провинциального естествознания оказывается важна для понимания процессов формирования и функционирования научного сообщества в целом. В первую очередь она помогает ответить на вопрос о границах научного сообщества, определяемых не формальными критериями, а взаимным признанием членов этого сообщества. Важно отметить, что это взаимное признание всегда иерархично: одни исследователи считаются значительно более компетентными в своей области, чем другие, а грань, отделяющая ученого от интересующегося наукой образованного человека не всегда отчетлива. История провинциального естествознания как раз и позволяет понять, как возникли и видоизменялись сами понятия «любительской» и «профессиональной» науки в различных национальных контекстах, как менялась дистанция между научным сообществом и образованной публикой, как постепенно появилась потребность в создании особой формы коммуникации научного знания для непрофессиональной аудитории и соответственно формировалась сама концепция популяризации науки ⁷.

В настоящей статье мы попытаемся, во-первых, уточнить хронологию возникновения провинциальных естественно-научных обществ Российской империи и выяснить факторы, способствовавшие их массовому появлению; во-вторых, попробуем выяснить их специфику, отличающую эти объединения от местных обществ натуралистов, действовавших в других национальных контекстах. Следует еще раз оговорить, что под провинцией в нашей статье понимаются те города и губернии Российской империи, где во второй половине XIX – начале XX вв. еще не существовало университетов. Этот критерий представляется нам принципиально важным, поскольку именно университеты и связанные с ними научные общества были в этот период основными институтами, в рамках которых происходило формирование общеимперского сообщества ученых в большинстве естественно-научных дисциплин. Нужно также оговорить, что речь пойдет лишь о тех ученых обществах, которые возникли в великорусских губерниях европейской части империи, причем о тех из них, которые были сосредоточены преимущественно на изучении естественных наук. История провинциальных объединений исследователей рассматривается здесь на примере научных обществ Верхнего Поволжья и некоторых прилегающих губерний.

* * *

Итак, по некоторым (скорее всего, неполным) данным к середине 1890-х гг. в Российской империи за пределами университетских городов существовало лишь несколько ученых обществ естественно-научного профиля ⁸: Общество

⁷ См. например: *Desmond, A.* Redefining the X Axis: 'Professionals', 'Amateurs', and the Making of Mid-Victorian Biology – A Progress Report // *Journal of the History of Biology.* 2001. Vol. 34. No. 1. P. 3–50; *Alberti, S. J. J.* Amateurs and Professionals in One Country: Biology and Natural History in Late Victorian Yorkshire // *Journal of the History of Biology.* 2001. Vol. 34. No. 1. P. 115–147; *Daum, A. W.* Varieties of Popular Science and the Transformations of Public Knowledge. Some Historical Reflections // *Isis.* 2009. Vol. 100. No. 2. P. 319–332; *Lucier, P.* The Professional and the Scientist in Nineteenth-Century America // *Isis.* 2009. Vol. 100. No. 4. P. 699–732.

⁸ Мы не рассматриваем здесь медицинские, технические, сельскохозяйственные и охотничьи общества.

Естественно-научные общества и «общества изучения местного края», основанные в 1895–1914 гг.

ествоиспытателей в Риге (учреждено в 1844 г.), Общество для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении (1864), Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге (1870), Петровское общество исследователей Астраханского края (1874), Кавказское общество любителей естествознания в Тифлисе (не позднее 1879 г.), Общество любителей изучения Кубанского края в Екатеринодаре (около 1887 г.), Нижегородский кружок любителей физики и астрономии (1888), Общество любителей исследования Алтая в Барнауле (1891)⁹. Сюда же можно отнести

⁹ При выявлении обществ мы пользовались генеральным алфавитным каталогом Российской национальной библиотеки и известным справочником научных обществ России И. И. Комаровой, размещенным на сайте www.snor.ru. См. также: Ученые общества, учрежденные в ведении Министерства народного просвещения до 20 октября 1894 г. // Обзор деятельности ведомства МНП за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 110–116.

и отделения Русского географического общества, действовавшие в Иркутске, Оренбурге, Омске, Владивостоке и Хабаровске, а также Тобольский и Забайкальский (в Чите) отделы петербургского Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Таким образом, подавляющее большинство обществ находилось на восточных и южных окраинах империи. ОИЯГЕО долгие годы оставалось не только первым, но и единственным провинциальным научным обществом в центральной части страны. Более того, оно возникло даже раньше большинства университетских обществ естествоиспытателей (за исключением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете): при Петербургском, Харьковском, Казанском, университете св. Владимира в Киеве и Новороссийском в Одессе такие общества, как известно, были созданы в 1868–1869 гг. Это обстоятельство заставляет внимательнее отнестись к истории учреждения ОИЯГЕО. И действительно, уже при достаточно беглом знакомстве с ней очевидно: перед нами совершенно особый случай, обусловленный не только стечением обстоятельств и личными качествами создателя общества, но и институциональными условиями для научной деятельности, сложившимися в Российской империи 1860-х гг.

Как известно, в отличие от других губернских центров Верхнего Поволжья того времени Ярославль отличался наличием здесь высшего учебного заведения – Демидовского лицея. В начале 1860-х гг. это было высшее училище с трехлетним сроком обучения, где преподавались не только статистика и юриспруденция, но и естественные науки, а также история, литература, русский и иностранные языки¹⁰. Таким образом, здесь была кафедра естественной истории – немаловажное обстоятельство, и объясняющее с нашей точки зрения столь раннее появление в Ярославле естественно-исторического общества. В 1862–1870 гг. эту кафедру занимал Андрей Станиславович Петровский. Он не был местным уроженцем – родился в Полтавской губернии, закончил Московский университет и появился в Ярославле лишь в 1854 г., когда был назначен учителем местной мужской гимназии. В 1862 г. он начал читать курс естествознания в Демидовском лицее, а двумя годами спустя основал ОИЯГЕО, став первым председателем этого общества¹¹. Есть все основания полагать, что до конца 1860-х гг. Петровский надеялся на успешную карьеру в науке: в 1867 г. он защитил в Московском университете магистерскую диссертацию¹², а на следующий год им были опубликованы еще две работы¹³. Однако в 1870–1871 гг. кафедра естественной истории в Демидовском лицее была закрыта, поскольку двумя годами ранее лицей получил новый устав, превративший его в специализированную высшую школу для подготовки

¹⁰ См.: *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 133–134.

¹¹ См. статьи о нем в: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 23. С. 455; *Русский биографический словарь* / Ред. А. А. Половцов. СПб., 1902. Т. «Павел – Петр». С. 645.

¹² *Петровский А. С.* Критический взгляд на семейство ничтаток (*confervaceae*), по поводу наблюдения над размножением *Cladophora macrogonyu*. М., 1867.

¹³ [*Петровский А. С.*] Влияние растительного мира на культуру человека. М., 1868; *Петровский А. С.* Очерк ярославской флоры. Ярославль, 1868 (Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 4).

Участники I съезда естествоиспытателей в Петербурге в декабре 1867 – январе 1868 г. по месту проживания

юристов¹⁴. Потеряв должность, Петровский был вынужден перейти на работу в местную женскую гимназию. Скончался Андрей Станиславович в Ярославле в 1882 г., до самой смерти оставаясь во главе созданного им общества натуралистов.

¹⁴ См.: Шеглов. Высшее учебное заведение в Ярославле... С. 224, 226, 229.

Весьма показательно, что в те годы, когда Петровский преподавал естествознание в Демидовском лицее, он также принимал активное участие в съездах русских естествоиспытателей – первом общенациональном (точнее, общеимперском) форуме ученых-естественников в России. В настоящей статье мы не будем останавливаться на истории этих съездов¹⁵, отметим лишь, что они могут рассматриваться как один из важнейших механизмов формирования общеимперского научного сообщества: здесь происходило живое общение и обмен идеями ученых из разных городов страны, здесь энтузиасты из провинции могли встретиться и завязать контакты с признанными специалистами, получить представление о положении дел в той или иной области науки. Заметим, что из городов Верхнего Поволжья и прилегающих губерний наибольшее число участников первых съездов русских естествоиспытателей давал именно Ярославль. Петровский был среди них явным лидером: он не только присутствовал на II и III съездах, но и выступал там с докладами на общих собраниях, был также избран секретарем заседания отделения ботаники на II съезде. Однако с потерей кафедры в Демидовском лицее Петровский перестал появляться на этих форумах: III съезд в Киеве в 1871 г. стал последним в его карьере (умер он, как уже отмечалось выше, в 1882 г., пропустив, таким образом, IV, V и VI съезды).

Еще интереснее то, что преобразование Демидовского лицея в высшее юридическое училище пагубно сказалось, по-видимому, на карьере и научных амбициях не только Петровского. Можно заметить, как в 1870–1880-е гг. сокращается число и меняется состав ярославцев – участников съездов естествоиспытателей. На I съезде русских естествоиспытателей, состоявшемся, как известно, в конце декабря 1867 – начале января 1868 г. в Петербурге, из ярославцев присутствовал лишь один человек – А. Н. Соколов, исполнявший в этот период обязанности директора Демидовского лицея. Однако уже на II съезд в Москве в 1869 г. из Ярославля приехало пять человек – служащих и преподавателей Демидовского лицея и ярославской мужской гимназии, причем с докладами здесь выступал не только Петровский, но и другой участник съезда из этого города – учитель гимназии Н. П. Петров, выступавший на отделении зоологии¹⁶. На III съезд из Ярославля приехали лишь Петровский, сделавший два сообщения на отделении ботаники, и лицейский врач Н. В. Пирожков (также участвовавший во II съезде)¹⁷. На IV и V съездах (Казань, 1873 и Варшава, 1876) из Ярославля присутствовали лишь врачи,

¹⁵ Подробнее о съездах русских естествоиспытателей см.: *Тихонович В. В.* Съезды русских естествоиспытателей и врачей // *Очерки по истории геологических знаний.* М., 1953. Вып. 1. С. 95–119. Начиная с V съезда в 1876 г. в Варшаве эти форумы получили название «съездов русских естествоиспытателей и врачей», что отражало включение в их программу секции научной медицины (появилась уже на II съезде).

¹⁶ Список членов II съезда русских естествоиспытателей 1869 г. в Москве // II съезд русских естествоиспытателей в Москве с 20-го по 30-е августа 1869. Протоколы заседаний. М., 1869. С. 1–21.

¹⁷ Список членов III съезда русских естествоиспытателей 1871 г. в Киеве // *Труды III съезда, происходившего с 20 по 30 августа 1871 г.* Киев, 1873. С. 11–23.

по-видимому, не состоявшие в ОИЯГЕО¹⁸. На VI съезде в Петербурге в 1879 г. из Ярославля не было вообще ни одного человека¹⁹. Таким образом, в этот период очевиден спад интереса ярославского общества к естественным наукам и ослабление его связей с общеимперским научным сообществом.

После смерти Петровского ОИЯГЕО не прекратило своего существования, однако число членов общества в 1880-е гг. было относительно невелико, а доминировала в нем семья Сабанеевых²⁰ – старая дворянская помещичья семья, из членов которой особенно активно проявили себя в ОИЯГЕО два брата: Владимир Павлович (председатель общества) и Николай Павлович (секретарь, затем хранитель музея). Они оба были видными общественными деятелями в городе и губернии, В. П. Сабанеев занимал также пост вице-президента Ярославского общества сельского хозяйства²¹. В то же время еще два брата из этой семьи – Александр Павлович и Леонид Павлович – были хорошо известны в научном мире России. А. П. Сабанеев преподавал химию в Московском университете²², Л. П. Сабанеев также окончил Московский университет, но специализировался в области зоологии, некоторое время состоял секретарем Московского общества испытателей природы, опубликовал труды по охотоведению и рыболовству. В 1873–1877 он был редактором и издателем журнала «Природа», с 1878, после объединения этого журнала с изданием Императорского общества охоты, – журнала «Природа и охота»²³.

Как можно судить по единственному опубликованному за 1880-е гг. отчету ОИЯГЕО, контакты ярославских естествоиспытателей с научным сообществом общеимперского уровня в этот период поддерживались преимущественно за счет семейных связей братьев Сабанеевых. Само общество в этот период собиралось достаточно нерегулярно и вся его деятельность сводилась к пополнению коллекций музея случайными экспонатами (образцами почв, местной флоры и фауны, пожертвованными в основном охотниками и учащи-

¹⁸ Списков членов IV съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873; Список членов V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве // Труды пятого съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве, происходившего с 31-го августа по 9-е сентября 1876 г. Варшава, 1877. Вып. 1. С. 4–16.

¹⁹ Список членов VI съезда русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. СПб., 1880. С. 1–33.

²⁰ См.: Список лиц, числящихся и состоящих членами общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении // Деятельность Ярославского естественно-исторического общества в 1885 и 1886 гг. Ярославль, 1887. С. 9–10. Согласно этому списку, в это время в обществе состояло 4 почетных члена, 14 членов-основателей и 44 действительных члена. Семеро из них носили фамилию Сабанеевы.

²¹ В 1898 г. В. П. Сабанеев состоял гласным губернского земского собрания от Романово-Борисоглебского уезда, гласным Романово-Борисоглебского уездного земского собрания, а также земским начальником 3-го участка Ярославского уезда и членом Ярославского уездного училищного совета и членом Ярославского отделения епархиального училищного совета. Н. П. Сабанеев в том же году числился гласным Ярославского уездного земского собрания и членом Ярославского уездного училищного совета. См.: Памятная книжка Ярославской губ. на 1898 г. Ярославль, 1898. С. 13, 36, 41, 48, 63, 64, 195, 213.

²² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 28. С. 7 [2-я паг.].

²³ Там же. С. 8 [2-я паг.].

мися местных гимназий)²⁴. Неудивительно, что в 1880-е гг. ОИЯГЕО не публиковало никаких трудов – его библиотека лишь принимала в дар издания некоторых ведущих научных учреждений империи (Геологического комитета, с которым тесно сотрудничал в 1880-е гг. один из членов ОИЯГЕО П. А. Тихомиров, обществ естествоиспытателей при Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском и Новороссийском университетах), а также некоторых провинциальных научных центров (Уральского общества естествоиспытателей в Екатеринбурге, Воронежского и Нижегородского губернских статистических комитетов, Западно-Сибирского отдела РГО)²⁵. Неизбежно упрощая ситуацию, можно заключить, что в этот период ОИЯГЕО в основном получало научное знание и лишь в очень незначительной степени занималось его распространением среди местного населения, но – как общество – практически никак не участвовало в создании нового. Обратный поток научной информации в центральные научные учреждения поступал лишь от отдельных его членов, действовавших, скорее, как частные лица.

Таким образом, столь раннее возникновение Ярославского общества естествоиспытателей, очевидно, связано с существованием здесь в 1860-е гг. особых институциональных возможностей для занятий наукой – кафедры естественной истории в высшем учебном заведении. Этими возможностями пытался воспользоваться достаточно молодой и энергичный преподаватель естествознания, несомненно стремившийся войти в общеимперское сообщество ученых, что в этот период почти неизбежно означало преподавание в университете или высшем учебном заведении, близком к университету по статусу и институциональным возможностям. Создание общества, очевидно, отражало эти стремления и должно было способствовать их реализации. Исчезновение же институциональных возможностей для занятий наукой не только поставило крест на академической карьере Петровского – само основанное им общество в 1880-е гг. оказалось достаточно слабо вписано в систему научных связей империи и не проявляло в последующие годы особой активности. Его новый лидер В. П. Сабанеев пытался своими трудами на посту председателя общества реализовать другой тип ученого – просвещенного помещика и местного общественного деятеля, совмещающего эти занятия с научными изысканиями. Наука XIX в. в принципе знала подобный тип, получивший особое распространение в викторианской Англии и известный здесь как *gentleman of science*²⁶. Однако, как видно на примере того же В. П. Сабанеева, в России такой тип ученых занятий не стал массовым и не получил признания в научном сообществе: подобных энтузиастов было слишком мало, достигнутые ими результаты представлялись недостаточно значимыми, а их связи с основными научными центрами, с университетской наукой – слишком слабы.

²⁴ См.: Деятельность Ярославского естественно-исторического общества в 1885 и 1886 гг. Ярославль, 1887.

²⁵ Там же. С. 7–9.

²⁶ См. подробнее, например: *Rudwick, M. J. S. The Great Devonian Controversy. The Shaping of Scientific Knowledge among Gentlemanly Specialists.* Chicago; London, 1985. P. 17–41, 440–441.

* * *

Оживление в деятельности ярославского общества наступает лишь к концу XIX – началу XX в. На первые роли здесь выдвинулись двое молодых активистов – А. И. Яковлев и Н. Н. Ширяев. Яковлев, сменивший в 1907 г. В. П. Сабанеева на посту председателя общества, по социальному происхождению и образу жизни напоминал предшественника – он также принадлежал к числу местных помещиков, постоянно проживал в своем имении Бердицыно. Преподаватель Ярославского кадетского корпуса Н. Н. Ширяев, ставший в том же 1907 г. товарищем председателя, был, очевидно, человеком несколько иного круга. Именно эти представители следующего поколения провинциальных натуралистов и произвели при поддержке Н. Р. Кокуева – выходца из известной купеческой семьи, сына городского головы Ярославля, заметного уже в «сабанеевский период», когда он занял пост секретаря общества – своего рода революцию в деятельности ОИЯГЕО, попытавшись вывести его на уровень общеимперского научного центра в области энтомологии²⁷.

Изучение насекомых интересовало ярославских натуралистов уже в 1870-е гг. Так, упоминавшийся выше Петров опубликовал в 1875 г. в Ярославле свои «Таблицы для определения родов двукрылых насекомых»²⁸, а средства на их издание ему предоставил Кокуев. В дальнейшем и сам Кокуев проявил интерес к энтомологии, став в 1894 г. членом Русского энтомологического общества в Петербурге, куда несколькими годами ранее вступил его молодой товарищ по ОИЯГЕО Яковлев²⁹.

Последний еще раньше возобновил прервавшиеся контакты общества со съездами русских естествоиспытателей: в декабре 1889 – январе 1890 г. он вместе с двумя другими членами ОИЯГЕО присутствовал на VIII съезде в Петербурге, записавшись по отделению зоологии³⁰. Показательно, что председатель общества В. П. Сабанеев появился на этих форумах позднее – мы встречаем его лишь в списках участников следующего IX съезда в Москве в 1894 г., где он присутствовал вместе с Пирожковым (последний, как мы помним, участвовал во II и III съездах)³¹. Таким образом, оживлению деятельности ярославского общества предшествует период возобновления контактов с ведущими научными центрами и научными форумами Российской империи, и ключевую роль в возобновлении этих контактов играет Яковлев – человек, выдвигающийся в дальнейшем в лидеры общества.

²⁷ О Н. Р. Кокуеве, А. И. Яковлеве и Н. Н. Ширяеве см.: *Власов Д. В., Клепиков М. А.* Ярославские энтомологи – основатели «Русского энтомологического обозрения» // XII съезд Русского энтомологического общества. Тезисы докладов. СПб., 2002. С. 65–66.

²⁸ *Петров Н. П.* Таблицы для определения родов двукрылых насекомых (*Diptera*). Ярославль, 1875.

²⁹ См.: Протоколы общих собраний, отчет и состав Русского энтомологического общества за 1895 г. СПб., 1896. С. 29–30.

³⁰ VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб., 1890. С. iv–xxx.

³¹ Список членов IX съезда // Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. М., 1893. № 1. С. 22–55.

Участники III съезда естествоиспытателей в Киеве в 1871 г. по месту проживания

В 1901 г. Кокуев, Яковлев и Ширяев, объединившись с тремя петербуржцами, А. П. Семеновым (Тянь-Шанским), Д. К. Глазуновым и Т. С. Чичериным, приступили к изданию «Русского энтомологического обозрения»³². Издание, безусловно, было рассчитано на читателей-специалистов со всей империи

³² О журнале см.: Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы к вып. 2: Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2007 / Ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2007. С. 178.

(оно стало вторым периодическим изданием этого профиля в России – первым были собственно «Труды Русского энтомологического общества»), однако выходить оно стало в Ярославле, преимущественно на деньги Кокуева. Они же в 1901 г. инициировали преобразование самого Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении в Ярославское естественно-историческое общество (далее ЯЕО). Смена названия и новый устав отражали амбиции его лидеров, не желавших ограничиваться пределами губернии, а стремившихся выйти на общеимперский уровень³³. В следующем 1902 г. общество приступило, наконец, к изданию собственных «Трудов», выпустив первый том, куда вошли в основном работы Яковлева, Ширяева и Кокуева³⁴.

В 1900-е гг., особенно в первой половине этого десятилетия, деятельность ЯЕО определялась в первую очередь исследованиями лидеров общества, активно публиковавшихся в этот период и в петербургских изданиях («Трудах Русского энтомологического общества», «Ежегоднике Зоологического музея Императорской Академии наук»). Безусловно, им самим очень хотелось, чтобы благодаря их усилиям «Ярославль был сделан видным энтомологическим центром, куда присылались для определения насекомые из различных мест России и из-за границы»³⁵. И все же стать второй энтомологической столицей Российской империи Ярославлю не удалось – уже в 1903 г. издание «Русского энтомологического обозрения» было перенесено в Петербург. Представляется, что причиной переноса стали не только технические трудности (типографии Ярославля будто бы были перегружены заказами): подавляющее большинство статей, опубликованных в «Энтомологическом обозрении» в 1901–1902 гг., были написаны А. П. Семеновым-Тян-Шанским. Уровень исследований ярославских энтомологов, очевидно, все же не соответствовал заявленным научным амбициям.

Тем не менее к середине – второй половине 1900-х гг. судьба общества уже не зависела от того, насколько успешно складывалась научная карьера одного или нескольких его лидеров, во всяком случае в той степени, в какой это было в 1860–1870-е гг. Выросло число постоянных членов ЯЕО, изменился их состав, расширился круг занятий и интересов. Относительно регулярно стали проводиться собрания общества, на которых его члены выступали с научными докладами, устраивались публичные лекции профессоров, приглашенных из Петербурга и Москвы. Совершенно иной облик приобрел музей общества: из случайного собрания охотничьих трофеев и любопытных находок он превратился в экспозицию, отражающую последние достижения естественных наук. Так, помимо отдела местной природы был создан отдел сравнительной анатомии, построенный не по принципу регионального описания, а как иллюстрация теории эволюции. Препараты для этой экспозиции были специально закуплены у Военно-медицинской академии в Петербурге и Мурманской

³³ См. об этом: Ярославское естественно-историческое общество // Русское энтомологическое обозрение. 1901. Т. 1. № 4–5. С. 221.

³⁴ Труды Ярославского естественно-исторического общества. 1902. Т. 1.

³⁵ Именно так оценивалась их деятельность в: Отчет Ярославского естественно-исторического общества за 1908–1912 г. Ярославль, 1913. С. 5.

биологической станции. Продолжилась публикация трудов общества, причем ЯЕО придавало особое значение рассылке этого издания – их получали как некоторые ведущие научные центры общеимперского масштаба (Русское энтомологическое общество, Императорское общество акклиматизации животных и растений, Московское общество испытателей природы, Московский университет, Московский сельскохозяйственный институт, Общество естествоиспытателей при Петербургском университете, Киевский политехнический институт), так и множество провинциальных обществ и ученых учреждений (Петровское общество исследователей Астраханского края, Архангельское общество изучения Русского Севера, Общество исследования Волыни, Владимирское общество любителей естествознания, Костромское научное общество изучения местного края и др.)³⁶. Таким образом, ЯЕО в этот период стремилось участвовать не только в распространении, но и в обмене научными знаниями, поставляя при этом не только «сырье» (наблюдения, образцы местной флоры, почв и т. п.), но и «готовую продукцию» – опубликованные результаты исследований³⁷. Наряду с энтомологическими исследованиями – предметом особой гордости ЯЕО – его члены занимались также микологией, почвоведением, геологией, метеорологией, публикуя отдельные брошюры, статьи в изданиях Ярославского губернского земства, в издававшемся в Петербурге «Лесном журнале»³⁸.

* * *

В этот период ЯЕО было уже не единственным научным обществом естественно-исторического профиля в центральной части страны. С конца XIX в. и особенно после революции 1905–1906 гг. в Верхнем Поволжье и прилегающих губерниях появился целый ряд таких обществ: в 1897 г. было основано Тверское общество любителей археологии, истории и естествознания³⁹, в 1902-м – Владимирское общество любителей естествознания⁴⁰, в 1909-м – Вологодское общество изучения Северного Края (ВОИСК)⁴¹, в 1912 г. –

³⁶ См.: Там же. С. 11–12.

³⁷ Мы заимствуем эти метафоры из статьи американского историка науки Д. Голдстейна, изучающего провинциальные научные общества США второй половины XIX в. В своей работе он использует методы, разработанные в экономической географии для анализа движения товаров, применяя их к описанию процессов переноса научного знания. См.: *Goldstein, D. Outposts of Science. The Knowledge Trade and the Expansion of Scientific Community in Post-Civil War America // Isis. 2008. Vol. 99. No. 3. P. 519–546.*

³⁸ Отчет Ярославского естественно-исторического общества... С. 6–10.

³⁹ См.: Устав Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. Утвержден 23 ноября 1897 г. Тверь, 1901.

⁴⁰ Устав Владимирского общества любителей естествознания. Утвержден 6 ноября 1902 г. Владимир, 1903.

⁴¹ Возможно, следует объяснить, почему мы решили рассмотреть ВОИСК в ряду обществ Верхнего Поволжья, а не других обществ «Северного края» – Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерний, как это делает, например, в своей книге М. А. Орешина (*Орешина М. А. Русский север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. М., 2003*). Дело в том, что сам «Северный край» вообразился в начале XX в. по-разному. Так, Ярославль – первый крупный город на пути из Москвы в Архангельск – претендовал иной раз на роль «столицы Северного края». См.: *Локтин А. Внешкольное народное образование на областной выставке Се-*

Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК)⁴². Более того, в некоторых уездах стали открываться филиалы губернских обществ. Так, в 1909 г. были учреждены отделения ЯЕО в двух уездных центрах губернии – Ростове Великом и Рыбинске⁴³. У ВОЙСК в 1915 г. появились филиалы в Тотьме и Устюге Великом⁴⁴. В годы Первой мировой войны возникли отделения КНОИМК в Солигаличе, Чухломе и Ветлуге (последнее стало затем самостоятельным научным обществом)⁴⁵.

Необходимо отметить и возрастающее присутствие членов провинциальных обществ на съездах русских естествоиспытателей, а также специализированных съездах по прикладной геологии и метеорологии, которые стали проводиться в начале XX в. Действительно, как показывает анализ списков участников съездов русских естествоиспытателей, доля провинциалов на них постепенно возрастала, а география их местожительства значительно расширилась. Постепенное вовлечение в работу съездов местных исследователей и просто провинциалов-любителей естествознания происходило параллельно с возрастанием интереса к нему образованного общества столиц и других университетских центров империи. Если на первых таких научных форумах присутствовало по несколько сотен человек, то к концу столетия число зарегистрированных участников VIII и IX съездов перевалило за две тысячи, а XII съезд, проходивший в декабре 1909 – январе 1910 г. в Москве, стал самым многолюдным – на нем зарегистрировались 5309 человек⁴⁶. При этом резкий рост посещаемости форумов пришелся на конец 1870-х гг., когда на VI съезд, собравшийся в столице империи, прибыли свыше 1400 участников. Можно отметить, что хотя на этом съезде не было ни одного человека из Ярославля, здесь присутствовало очень большое для провинциального города число участников из Нижнего Новгорода, а также несколько человек из Твери и Костромы (из последнего города ранее на съезды естествоиспытателей еще никто не приезжал). С этого съезда и далее число участников из Верхнего Поволжья заметно возрастает, причем Нижний Новгород, а не Ярославль продолжает лидировать в этом отношении до конца столетия, когда на X съезд в Киеве в 1898 г. прибыли участники не только из губернских городов региона, но так-

верного края в Ярославле // Русская школа. 1904. № 10–11. С. 187–202. По некоторым данным, в 1903–1904 гг. в Вологде действовало отделение ЯЕО. Позднее, в декабре 1915 г. в Ярославле по инициативе ЯЕО прошло подготовительное совещание с целью провести съезд и создать объединение «научных работников Севера», на котором присутствовал делегат ВОЙСК. В тот момент этот план так и остался нереализованным, однако позднее, в 1920 г. съезд представителей «северных научных обществ» в Ярославле все же состоялся. На нем присутствовали делегаты ВОЙСК, а также Переяславского, Шуйского, Череповецкого научных обществ. См.: Вологодское общество изучения Северного края за пятнадцать лет (25/IV 1909 г. – 25/IV 1924 г.). Краткий очерк деятельности общества. Вологда, 1924. С. 4, 12, 20. Таким образом, очевидна связь, существовавшая между ВОЙСК и ЯЕО.

⁴² Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 год (Год 1-й). Кострома, 1913.

⁴³ Отчет Ярославского естественно-исторического общества... С. 19–23.

⁴⁴ Вологодское общество изучения Северного края за пятнадцать лет... С. 13.

⁴⁵ Отчет о деятельности Костромского научного общества... за 1917 г. С. 3.

⁴⁶ Тихонович. Съезды русских естествоиспытателей и врачей... С. 103–112.

же из таких быстро растущих промышленных, торговых и транспортных его центров, как Иваново-Вознесенск, Рыбинск и Череповец⁴⁷.

Таким образом, на протяжении 1870–1890-х гг., до массового возникновения научных обществ за пределами университетских центров, идет постепенное вовлечение провинциальных исследователей и образованной общественности в общеимперскую систему научных связей. Сам же процесс массового возникновения научных и научно-просветительных обществ относится к началу XX в., особенно – к периоду после революции 1905–1906 гг. – последнее наблюдение справедливо не только по отношению к Верхнему Поволжью, но и ко всей территории европейской части Российской империи. Так, по нашим подсчетам в 1895–1905 гг. в европейской части Российской империи (без польских, финских и трех прибалтийских губерний) возникли семь провинциальных научных обществ, в той или иной мере занимавшихся естествознанием, в то время как за 1906–1916 гг. таких обществ было основано как минимум восемнадцать⁴⁸.

Из обществ Верхнего Поволжья по опубликованным источникам лучше всего реконструируется деятельность ВОЙСК и КНОИМК. Как и в Ярославле, члены Костромского и Вологодского обществ занимались созданием музеев, устраивали публичные лекции, выставки экскурсионных принадлежностей, наглядно знакомявшие посетителей с приемами и методами проведения полевых исследований по ботанике, зоологии, геологии⁴⁹. На заседаниях заслушивались научные доклады, общества занимались изданием и рассылкой своих трудов⁵⁰, переписывались с ведущими научными учреждениями и обществами имперского масштаба – Академией наук, РГО, ОЛЕАЭ – с целью получения от них программ-инструкций для сбора различных материалов и коллекций.

Заметим, что провинциальные научные общества в этот период очень быстро включаются в систему научной коммуникации и обмена знаниями между «центром» и «периферией» науки: они не только «импортируют» и распространяют результаты исследований ученых мирового и общеимперского уровня, но и активно стремятся к тому, чтобы «экспортировать» изыскания местных любителей в ведущие научные центры, что предполагало соответствие результатов известным научным стандартам и тем вопросам, которые

⁴⁷ Список членов VI съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 1–33; VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей... С. iv–xxx; Список членов IX съезда // Дневник IX съезда... № 1. С. 22–55; № 3. С. 15–24; № 5. С. 23–32; № 10. С. 52–62; Высочайше утвержденный X-й съезд русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. Личный состав распорядительного комитета. Список заведующих секциями и секретарей. Список членов X съезда русских естествоиспытателей и врачей. Киев, 1898.

⁴⁸ Подсчеты производились нами на основании генерального алфавитного каталога Российской национальной библиотеки и уже упоминавшегося выше справочника И. И. Комаровой. Эти данные совпадают с результатами исследования В. С. Савчука: за исключением Новороссийского общества естествоиспытателей в Одессе все изученные им общества возникли с начала 1890-х гг.

⁴⁹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1914 год. С. 8–9.

⁵⁰ Наиболее активно издательской деятельностью занималось КНОИМК, до 1917 г. опубликовавшее пять выпусков «Трудов» и продолжившее их издание и после революции.

интересовали ученых из Москвы и Петербурга. Показательно, что в процессе обмена научным знанием активисты КНОИМК и ВОИСК очень быстро перешли от «поставки сырья» (отдельных образцов и коллекций) к «производству готовых изделий» – публикации и рассылке своих изданий. Весьма характерно также, что в этот период в число почетных членов провинциальных обществ начинают избираться крупные ученые (П. П. Семенов (Тян-Шанский) – в ЯЕО, В. П. Амалицкий и Д. Н. Анучин в – ВОИСК), в то время как в 1880-е гг. почетными членами ОИЯГЕО избирались в первую очередь ярославские губернаторы и другие представители высшего общества⁵¹.

Итак, именно первые два десятилетия XX в., а отнюдь не эпоху Великих реформ следует считать временем возникновения в России провинциальных естественно-научных обществ. Безусловно, постепенное упрощение порядка их учреждения (переход права утверждения уставов обществ от министров к губернаторам в середине 1890-х гг. и появление на свет «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г., еще более упрощавших порядок регистрации) сыграло свою роль в начавшемся массовом создании провинциальных ученых объединений⁵². Однако изменение административно-правовых норм в этой сфере не может считаться единственным фактором, объясняющим оживление научно-общественной инициативы в провинции. Помимо общих процессов урбанизации, постепенного формирования «средних слоев» общества, возникновения публичного пространства и развития общественной инициативы в этот период – факторов, безусловно, способствовавших становлению научных обществ, нужно указать на значительный рост числа

⁵¹ Следует оговорить, что и в 1910-е гг. ЯЕО и ВОИСК продолжали избирать почетными членами представителей губернского истеблишмента. Так, почетным членом ВОИСК состоял Вологодский губернатор А. Н. Хвостов, почетным членом ЯЕО – Ярославский губернский предводитель дворянства, камергер Двора Его Императорского Величества князь И. А. Куракин, член Государственного совета, гофмейстер двора Его Императорского Величества Б. В. Штрюмер, член Государственного совета, гофмейстер двора Его Императорского Величества А. П. Рогович. См.: Отчет Ярославского естественно-исторического общества... С. i [2-я паг.]; Отчет Вологодского общества изучения Северного края за 1913 год. Вологда, 1914. С. 3. Костромское общество в этом отношении отличалось значительно большим демократизмом, здесь не было института почетных членов и никто из первых лиц губернии в нем не состоял. См.: Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. Кострома, 1913. С. 15–19; То же за 1914 г. Кострома, 1915. С. 28–38. Заметим, что иным был и бюджет этого общества: в отличие от ЯЕО и ВОИСК, располагавших значительными капиталами, пожертвованными этим обществам в разные годы, и живших во многом на проценты с этих сумм, КНОИМК было гораздо более стеснено в средствах, поступавших в основном от губернского земства и городской думы. См.: Отчет правления Вологодского общества изучения Северного края за 1911 год. Вологда, 1912. С. 9–10; То же за 1913 год. Вологда, 1914. С. 14–15; То же за 1915 год. Вологда, 1916. С. 33; Отчет Ярославского естественно-исторического общества... С. 76–82; Отчет о деятельности Костромского научного общества... за 1912. Кострома, 1913. С. 9–10; То же за 1914. Кострома, 1915. С. 22.

⁵² Подробнее о законодательстве, определявшем порядок учреждения обществ, см.: Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982; Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

лиц образованных профессий как на необходимое условие их появления⁵³. И прежде всего, необходимо отметить заметное увеличение численности специалистов в области агрономии и близких к ней дисциплинах (лесоводство, сельскохозяйственная метеорология, почвоведение, гидрология и т. д.), состоявших как на государственной, так и на земской службе⁵⁴. Кроме земств, значительно увеличивших в этот период численность наемных специалистов, можно вспомнить и о том, что в это время существенно возрастает в регионах и аппарат Министерства земледелия и государственных имуществ (преобразованного в 1905 г. в Главное управление землеустройства и земледелия – ГУЗиЗ)⁵⁵. Как показывает изучение социально-профессионального состава членов нескольких самых крупных и активных научных обществ Верхнего Поволжья и соседних губерний, именно специалисты в области сельского хозяйства и лесоводства, наряду с преподавателями средних учебных заведений и земскими деятелями (депутатами земских собраний, членами управ и служащими статистических бюро и отделов), составляли одну из самых многочисленных и активных групп в этих объединениях. Так, по нашим подсчетам специалисты в области агрономии, лесоводства, сельскохозяйственной метеорологии, служившие как в земстве, так и в ведомстве ГУЗиЗ, составляли около 25% членов ЯЕО в 1912 г., 11% в КНОИМК в 1913 г. и 11% ВОИСК в 1915 г. Большую долю от общего числа в этих обществах составляли лишь преподаватели различных средних учебных заведений (31% в ЯЕО, 39% в

⁵³ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1890–1917 годах. М., 1981; Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1985; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Timberlake, Ch. The Middle Classes in Late Tsarist Russia // Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / Ed. M. L. Bush. London, 1992. P. 86–109.*

⁵⁴ См.: Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX в. В 2 т. М., 2008. См. особенно Т. 1. С. 289–296. О складывании после революции 1905–1906 гг. в российской провинции принципиально нового слоя – «нового социального поколения» специалистов-практиков (инженеров, агрономов и лесоводов, ветеринаров, кооператоров) с ярко выраженным стремлением к модернизации общества см. также: Герасимов И. В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг.: материалы Международного научного colloквиума. СПб., 2003. С. 287–297. С этим поколением И. В. Герасимов связывает формирование агрожурналистики как особой общественной сферы.

⁵⁵ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 3. СПб., 2002. С. 70–74. Так, в 1909 г. в региональных подразделениях (управлениях) ГУЗиЗ в Костромской, Ярославской, Нижегородской, Владимирской и Рязанской губерниях служили 214 человек. Из них 113 человек (52,8%) было с высшим образованием, 36 человек (16,8%) со средним и низшим профессиональным образованием. Если же не учитывать управленческий аппарат и канцелярских служащих, а брать только специалистов (лесничих, лесных ревизоров, специалистов и инструкторов по различным отраслям сельского хозяйства), то таких людей насчитывалось здесь 127 человек. Из них 85 (66,9%) имели высш образованием, а 30 (23,6%) средним специальным. См.: Список лиц, служащих по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1909. С. 189–198, 223–230, 371–381. См также: Елина. От царских садов... Т. 2. Особенно с. 97–121.

Участники X съезда естествоиспытателей в Киеве в 1898 г. по месту проживания

КНОИМК и 18% в ВОИСК)⁵⁶. Иными словами, возникновение естественно-исторических обществ в провинции следует в первую очередь связывать с появлением здесь людей, получивших высшее специальное образование соответствующего профиля и стремившихся к профессиональному обсуждению

⁵⁶ См.: Отчет Ярославского естественно-исторического общества... С. i-v [2-я паг.]; Отчет о деятельности Костромского научного общества... за 1912. С. 15–19; Отчет правления Вологодского общества изучения Северного края за 1915 год. С. 36–39. К сожалению, используемые В. С. Савчуком категории не позволяют провести сравнение наших данных с социально-профессиональным составом изученных им обществ юга Российской империи.

проблем в своей области, а не только к популяризации естественно-научного знания.

Этот наш тезис подтверждают и имеющиеся данные о присутствии провинциальных исследователей на съездах русских естествоиспытателей. С конца 1880-х гг. число участников из провинции особенно возрастает за счет появившихся именно в этот период отделений агрономии (впервые создано на VIII съезде естествоиспытателей в Петербурге в конце 1889 – начале 1890 г.) и статистики (впервые на IX съезде в Москве в 1894 г.). На X съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве (1898) члены отделения агрономии составляли 10,1% от общего числа участников съезда, секции статистики – 9,8% от общего числа участников. При этом доля провинциалов от общего числа членов отделения агрономии составляла 64,2%, в отделении статистики – 57,5% (доля провинциалов от общего числа участников X съезда составляла 39,5%, т. е. была существенно меньше). Для сравнения можно также привести данные для отделения ботаники, существовавшего с самого первого съезда естествоиспытателей. Так, на X съезде число записавшихся по отделению ботаники составляло 5,3% от общего числа участников съезда. Провинциалов среди членов отделения ботаники было 36,8% от числа всех членов, записавшихся по этому отделению. Тремя десятилетиями ранее, на III съезде естествоиспытателей в 1871 г., также проходившем в Киеве, члены отделения ботаники составляли 11,9% от общего числа участников съезда, а доля провинциалов среди них составляла 34,4% (от общего числа членов этого отделения), доля провинциалов среди участников III съезда в целом составляла 21%⁵⁷. Эти показатели хорошо соотносятся с имеющимися данными о профессиональном составе и институциональной принадлежности участников съездов. Так, в отделении ботаники безусловно доминировали преподаватели высшей школы (37,5% от всех участников секции на III съезде и 33,3% на X съезде), в секции агрономии преподавателей средней школы было значительно меньше (17,4% на X съезде), зато заметную долю составляли специалисты в области сельского хозяйства и лесоводства (14,7% – в то время как в отделении ботаники на X съезде их было 3,5%); наконец, в подсекции статистики решительно преобладали служащие земских и городских управ (41,5% на X съезде, в то время как преподавателей высшей школы здесь было лишь 4,7% от общего числа членов секции).

Таким образом, с конца 1880-х – начала 1890-х гг. в провинции начинает формироваться слой лиц, профессионально интересующихся прикладными естественно-научными и социальными исследованиями и стремящихся включиться в систему общеимперских научных связей, пусть на первых порах в форме простого присутствия на съездах естествоиспытателей. Несколько позднее этот же слой людей, наряду со значительно возросшим числом преподавателей средних и низших учебных заведений, медицинским персоналом, а также деятелями земского и городского самоуправления, станет главной движущей силой в создании научных обществ в провинции.

⁵⁷ Подсчеты произведены нами на основании списка участников съездов. См.: Список членов III съезда русских естествоиспытателей 1871 г. в Киеве...; Высочайше утвержденный X-й съезд русских естествоиспытателей и врачей в Киеве...

Деятельность провинциальных научных обществ, возникших в начале XX в., часто охватывала не только естествознание, но социальные и гуманитарные дисциплины (экономику, статистику, фольклористику, диалектологию, этнографию, антропологию). Объединяло эти направления то, что все они требовали полевых наблюдений – именно это обстоятельство и позволяло местным энтузиастам получить результаты, представляющие интерес для науки. В концептуально-риторическом плане объединение названных дисциплин в рамках одного научного общества достигалось за счет того, что главной его задачей провозглашалось «познание родины», доступное для любого образованного человека, а не только ученого-специалиста⁵⁸. Такие объединения, как правило, называли себя обществами «изучения местного края». Многие другие общества, возникшие в этот период в Российской империи, содержали в своем названии указание на любительский характер своих занятий («общество любителей естествознания», «любителей природы»)⁵⁹. Таким образом, их члены уже достаточно хорошо осознавали грань, отделяющую их от профессиональных занятий наукой.

В то же самое время любительские наблюдения и популяризация научного знания сочетались в работе обществ с профессиональной деятельностью их членов в области экономики, статистики и сельскохозяйственных наук. При этом очень большое место отводилось исследованиям, которые могли – хотя бы потенциально – способствовать модернизации региона. Так, ВОИСК в первые годы своего существования активно содействовало геологическим изысканиями (разведка месторождений фосфоритов и серных колчеданов в бассейнах рек Сысолы и Визинги), способствуя установлению контактов между местными предпринимателями и Геологическим комитетом в Петербурге⁶⁰. На заседаниях ВОИСК и КНОИМК неоднократно обсуждались различные проекты прокладки железных дорог и прогнозы их влияния на экономику региона, состояние кустарной промышленности и промыслов, перспективы аграрной реформы⁶¹.

⁵⁸ Вот как, например, определял задачи КНОИМК один из его активистов, А. А. Иванчин-Писарев, в своем выступлении на первом общем собрании общества: «В задачи Костромского научного общества и входит исследование края во всех отношениях, содействие такого рода изучению и всяческое возбуждение интереса к нему и любви к родине [...] Совершенно ошибочно думать, будто исследования природы и жизни доступны лишь людям науки, специалистам – есть целый ряд явлений, которые доступны наблюдению и изучению каждого интересующегося человека». См.: Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 22–23.

⁵⁹ Например, Общество любителей природы в Николаеве, Донское общество любителей астрономии, физики и других естественных наук, Подольское общество естествоиспытателей и любителей природы (в Каменце-Подольском), Пензенское общество любителей естествознания, Тамбовское общество любителей природы.

⁶⁰ В 1910–1913 гг. ВОИСК на средства, полученные от Департамента земледелия, организовало несколько геологоразведочных экспедиций с привлечением специалистов Геологического комитета в Петербурге. См.: Отчет правления Вологодского общества изучения Северного края за 1911 год. Вологда, 1912. С. 8–13; Вологодское общество изучения Северного края за пятнадцать лет (25/IV 1909 г. – 25/IV 1924 г.). Краткий очерк деятельности общества. Вологда, 1924. С. 6–7.

⁶¹ См.: Отчет правления Вологодского общества... С. 7; Вологодское общество изучения Северного края за пятнадцать лет... С. 14; Отчет о деятельности Костромского научного общества

* * *

Таким образом, история возникновения провинциальных естественно-научных обществ в России позволяет сделать следующие выводы.

До начала XX в. вряд ли возможно говорить о деятельности подобных объединений в великорусских губерниях европейской части Российской империи. Скорее, для 1860-х – первой половины 1890-х гг. были характерны исследования отдельных провинциальных натуралистов, адресовавших свои публикации прежде всего ученым из ведущих научных центров страны, даже если в другом качестве они активно участвовали в жизни местного образованного общества. При этом тип просвещенного помещика-натуралиста не получает в России распространения: таких людей слишком мало, полученные ими научные результаты слишком скромны, а связи с общеимперским научным сообществом недостаточно прочны, чтобы обеспечить им признание в этом кругу.

В массовом порядке естественно-научные общества в российской провинции начинают возникать лишь в первые два десятилетия XX в., особенно после 1906 г., когда изменился порядок регистрации добровольных обществ, а в губерниях появился достаточный слой людей, получивших специальную подготовку в естественных науках и по роду своей профессиональной деятельности связанных с прикладными научными исследованиями в области агрономии, ветеринарии, статистики и тому подобных дисциплин. Именно это поколение, заявившее о себе в первые два десятилетия XX в., и вынесло занятия наукой за пределы основных университетских центров в провинцию, внося тем самым совершенно новый элемент в организацию науки в России: мы говорим о появлении множества небольших добровольных исследовательских объединений на всей территории европейской части страны, способных заниматься по крайней мере первичной обработкой полевых данных.

Как и для поколения 1860-х гг., для создателей и активистов провинциальных научных обществ начала XX в. занятия наукой были также и формой общественной деятельности, проявлением гражданской позиции. Ориентация на просветительство, на обращение к широкой публике была заложена в качестве одной из самых значимых составляющих самосознания русской научной интеллигенции еще в ту эпоху, когда она формировалась в столицах и в других университетских городах страны⁶². В начале XX в. эти же принципы воплощались в деятельности нового поколения и новой социально-профессиональной группы, уже не связанной с университетами, а потому с особой силой провозглашавших общественный характер развиваемых ими новых дисциплин (например, селекции или физической антропологии)⁶³. Создавая

по изучению местного края за 1912 г. ... С. 8.

⁶² Бастракова. Научное сообщество...

⁶³ Так, в своей работе О. Ю. Елина прямо говорит о становлении селекции как общественной науки, т. е. дисциплины, развивавшейся на начальном этапе преимущественно на периферии, за пределами признанных научных центров и традиционных институциональных форм научной деятельности, силами общественных объединений. См.: Елина. От царских садов... Т. 2. С. 310–334. О «либеральной модели» развития физической антропологии как последова-

научные общества в регионах, их активисты в равной степени были заинтересованы как в популяризации естественно-научного знания среди местного населения, так и в создании форума для обсуждения своих профессиональных проблем, а также установлении контактов и обмене информацией с ведущими научными центрами за пределами своего региона.

Важно подчеркнуть, что действовать этим людям приходилось в условиях, существенно отличавшихся от ситуации середины XIX в., когда формировалась этика и идеология университетской науки в России. К началу XX столетия, как известно, быстрыми темпами шел процесс накопления нового научного знания, что приводило к растущей специализации и становлению новых дисциплин, развивался язык науки, затруднявший ее понимание неспециалистами. В то же время в общественную жизнь в разных странах включались все более широкие слои населения, что с новой остротой поднимало вопрос о взаимодействии науки и общества и способствовало формированию самой концепции популяризации науки ⁶⁴. В России, очевидно, проблема диалога между наукой и обществом, затрудненного в условиях нарастающей специализации науки и профессионализации научно-исследовательской деятельности, должна была переживаться с особой остротой уже хотя бы потому, что за пределами нескольких университетских центров империи эти вопросы, по существу, поднимались впервые. Именно это обстоятельство заставляет нас с особым вниманием относиться к истории провинциальных естественно-научных обществ в России начала XX в. как истории поиска новых форм взаимодействия науки и общества, в ходе которого постепенно оформлялось содержание понятий «профессиональной» и «любительской» науки в России.

тельного описания регионов силами местной самоорганизующейся научной общественности в России начала XX в. см.: *Могильнер М. Ното imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.)*. М., 2008. С. 159–163.

⁶⁴ Обзор последних работ, посвященных проблеме взаимодействия науки и общества и формированию концепции популяризации науки на рубеже XIX–XX вв. в разных странах Европы и Северной Америки см.: *Isis*. 2009. Vol. 100. No. 2. P. 310–168.